

Евгений
Рогов

Малкольм
Икс

Взгляд
из русского
гетто

Евгений Михайлович Рогов Малкольм Икс. Взгляд из русского гетто

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6444116

Малкольм Икс. Взгляд из русского гетто.: Алгоритм; Москва; 2013

ISBN 978-5-4438-0456-9

Аннотация

Книга Евгения Рогова посвящена жизни и общественно-политической деятельности афроамериканского харизматического лидера Малкольма Икса (1925–1965 гг.), который в первой половине 60-х годов двадцатого столетия стал символом революционно-националистического антиимпериалистического крыла в афроамериканском национальном движении. Пожалуй, он был и остается самым опасным внутренним врагом Америки, ее общественно-политической системы – с точки зрения идеологии, деятельности и влияния на массы. Малкольм Икс стал культовым героем, сопоставимым по степени харизматичности с Че Геварой. В самих США, среди социально угнетенных слоев общества, он не менее популярен, чем команданте Че. Впервые биография Малкольма Икса написана на русском языке!

Содержание

Запретный герой	4
Глава 1	11
Глава 2	28
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Евгений Михайлович Рогов

Малкольм Икс. Взгляд из русского гетто

Запретный герой

Герой этой книги – Малкольм Икс. Многим из наших соотечественников, вернее сказать большинству, это имя не говорит ничего. Кто он такой? Если обобщить в нескольких словах, Малкольм Икс – яркий революционный борец афроамериканского национально-освободительного движения 60-х годов XX столетия. Он явился центральной фигурой морально-идейного строительства афроамериканской нации. Малкольм Икс стремился к преобразованию аморфной, забитой, бесправной и безликой массы «негров» Америки в полноценный, гордый и самодостаточный народ.

Прежде всего, он – религиозный деятель, причем, в отличие от преподобного Мартина Лютера Кинга, он – мусульманский религиозный деятель. В наши дни согласно установившейся по воле Запада эстетике это совсем не комильфо. Но если бы он был просто мусульманским проповедником как таковым, то вряд ли его имя когда-нибудь стало бы символом революционного сопротивления угнетателям, причем

символом практически столь же международным, как имя Че Гевары. Этот символ – Малкольм Икс – вдохновляет не только африканцев и мусульман. Граффити с его образом можно найти на стенах домов Палестины и Ливана, где несколько десятилетий мусульмане и христиане борются против сионистских захватчиков, и в католических кварталах Ольстера, где белые до прожилок ирландцы-католики, веками подвергаясь такому же расовому угнетению, что и темнокожие жители США, видят в Малкольме Иксе одного из своих героев.

Нет, Малкольм был не просто мусульманским проповедником. Он был проповедником Революции – моральной, психологической, культурной и социальной. Он был воплощением революционной религиозности. А религиозным революционером можно быть, исповедуя любую религию. К примеру, один из основоположников знаменитой «Теологии освобождения» падре Камило Торрес погиб в джунглях Колумбии, с оружием в руках сражаясь за идеалы социальной справедливости.

Жизненный путь Малкольма удивителен и символичен. Его личный пример не перестает вдохновлять миллионы людей, причем не только в его стране. Выросший в негритянском гетто Малкольм Литтл в юности был втянут в мир криминала, был наркоманом. Попав зимой 1946 года за кражу со взломом в тюрьму города Норфолк, он постепенно подпадает под влияние суровых моральных норм афроамериканско-

го религиозно-националистического движения «Нация ислама» («черные мусульмане»). Малкольм начинает создавать в себе новую личность, обладающую железной волей, неукротимой силой, потрясающим магнетизмом. Выйдя в 1952 году на свободу, он становится проповедником националистического афроамериканского культа «черных мусульман». Известный отныне как Малкольм Икс, он превращается в одного из крупнейших ораторов и политических деятелей Америки. Его радикальные речи и идеи превратили его в самого опасного внутреннего врага США. Преодолев сектантскую ограниченность и «черный национализм», Малкольм приходит к пониманию планетарного (глобального) единства борьбы всех угнетенных народов и классов. Он активно поддерживает революционные антиимпериалистические и антикапиталистические революционные движения в странах третьего мира, оказывается единственным политическим деятелем Америки, встретившимся с Фиделем Кастро в США. Вместе с тем, Малкольм Икс неустанно боролся за построение афроамериканской нации, призывая к моральному исправлению афроамериканского сообщества, устранению пороков, к росту политической и социальной сознательности и национальной солидарности. 21 февраля 1965 года трагическая смерть прервала дальнейший идейный рост и политическую деятельность великого афроамериканского лидера.

До недавнего времени – времени широкого и доступного распространения у нас Интернета – имя Малкольма Икса бы-

ло известно в нашей стране едва ли не единицам. Советская публицистика в своих многочисленных публикациях о жизни в США, непременно затрагивая уязвимую для противника тему положения негров в Америке и борьбы за гражданские права в 60-е годы, почти всегда обходила молчанием этого харизматичного лидера угнетенных людей Америки. Писали о Мартине Лютере Кинге, но не о Малкольме Иксе. Лишь в редких публикациях говорилось о нем – и еще реже говорилось о нем в положительном тоне.

К таковым упоминаниям можно отнести главу из книги С. Лосева и В. Петрусенко «США: операции по уничтожению», которая называется «Жизнь и смерть Малкольма Икса». Так же сочувственно написал о нем в своей книге очерков об Америке Мэлор Стуруа, в главе «Лезвие автогена» рассказав о выступлении Малкольма в Лондонской экономической школе зимой 1965 года. Правда, при этом автор вольно изменил многие фрагменты этой речи.

В целом советская публицистика если и писала о Малкольме Иксе и движении черных мусульман «Нация ислама», то оценивала их самих и их деятельность с негативных позиций, посвящая дифирамбы Мартину Лютеру Кингу, с его толстовскими идеями непротivления злу силой, с его мечтами о будущей расовой гармонии в Америке. Точно так же вели себя идеологические противники советских публицистов – американская официальная пропаганда и связанные с нею деятели. Они тоже отрицательно освещали дея-

тельность Малкольма Икса, как «черного расиста» и «апостола насилия», воспевая при этом преподобного Кинга, как проповедника мира и любви. Отчего же произошло такое сходство оценок деятельности великого афроамериканского лидера, истинного вождя афроамериканской революции сознания 60—70-х годов XX столетия?

С одной стороны хрущевско-брежневский партно-менклатурный сытый социализм уже органически не мог воспринять и переварить столь радикально-яркое явление, каким был Малкольм Икс. Ему нужны были не радикалы, такие как Че Гевара и Малкольм, а голуби мира, такие как Мартин Лютер Кинг и Сальвадор Альенде. С другой стороны, вполне можно понять работников американской идеологической машины – ведь Малкольм Икс и «Нация ислама» были открытыми врагами Америки, американской государственной системы, американской культуры, морали и идеологии. Одним словом, «черные мусульмане» были (и остаются) самыми последовательными антиамериканцами и антизападниками, возведя принципы антизападничества, общинного патриотизма и национализма в ранг религиозной веры.

Но независимо от мнения и оценок советских и американских публицистов собственную оценку его деятельности дал сам афроамериканский народ, благодаря деятельности Малкольма обретающий самосознание, собственную культуру и национальную идеологию. В восприятии большинства афро-

американцев Малкольм стал такой же культовой личностью, как Че Гевара для народов Латинской Америки. В первую очередь Малкольм Икс является героем революционной афроамериканской молодежи. Знаменитые «Черные пантеры» зародились именно от воодушевления идеями Малкольма Икса – при этом они остались совершенно равнодушными к собственно религиозным исламским идеям афроамериканского лидера, взяв на вооружение только социально-политические. Именем Малкольма – по инициативе самих афроамериканских общин – названы улицы, колледжи, университеты. Он повсеместно присутствует на стенах домов в гетто, на бесчисленных граффити. Культовые рэперы, такие как, например, «Паблик энеми» или Айс Кьюб, цитируют его в своих песнях. Более подробно о влиянии Малкольма на афроамериканское сообщество Америки мы расскажем в заключительных главах книги.

Прежде всего, источником в нашем повествовании является знаменитая «Автобиография Малкольма

Икса», написанная им самим в соавторстве с афроамериканским писателем Алексом Хэйли. Редкая книга по своему влиянию на умы людей может сравниться с «Автобиографией» Малкольма. С присущей ему предельной искренностью Малкольм Икс описывает свою жизнь как волевой рост личности, поднявшейся из грязи и мрака к новой жизни, сутью которой стало постоянное самовоспитание и революционное служение своему народу Эта книга является нашим основ-

НЫМ ИСТОЧНИКОМ.

Далее следуют мемуары и воспоминания семьи и соратников – его жены Бетти Шаббаз, Бенджамин 2Х (впоследствии Бенджамин Карим), Джеймса 67Х (Джеймс Шаббаз, ныне Абдуллах Абдур-Раззак) и других помощников Малкольма. Также нашими источниками служат речи Малкольма Икса, его проповеди, различного рода интервью и другие исторические документы. Кроме того, в Америке существует обширнейшая литература, посвященная исследованию жизни и деятельности великого афроамериканского лидера – что можно назвать малкольмоведением по аналогу с пушкиноведением.

Итак, пора знакомить читателя с неизвестным и запретным для нас героем, само имя которого воплощает яростный протест против всех форм рабства и угнетения.

Глава 1

Кошмары детства

Угнетение имеет многочисленные и многоликие формы. Но оно всегда остается угнетением. Его формы меняются, суть остается. В Америке, точнее в Соединенных Штатах Америки, государстве, основанном и провозглашенном как царство Свободы и Равенства, с самого зарождения государственности, свобода и равенство четко дозировались на тех, кому они достались и на тех, кто был их начисто лишен. Собственно, и у нас в России дела обстояли и обстоят подобным же образом.

Эксплуататорская система всегда подразумевает наличие двух антагонистов – эксплуататоров и эксплуатируемых, угнетателей и угнетенных. К примеру, в России угнетенным большинством было русское крепостное крестьянство. Даже не население национальных окраин, а именно русское православное крепостное крестьянство – коренное население и основа государства Российского. Здесь не играл никакой роли цвет кожи и разрез глаз (даже наоборот: негр, в американском понятии этого слова, Пушкин или потомок тюркского рода Карамзин как раз относились к господствующему классу угнетателей). Но, тем не менее, было рабство, было угнетение, была эксплуатация. То же самое происходит и в ны-

нешней России, где в огромное бесправное гетто заключено подавляющее большинство ее граждан, прежде всего славянского происхождения – так как именно они, в силу утраты всевозможных общинных и организационных связей, а также морального и культурного стержня, оказались наиболее беззащитными перед отечественным вариантом Системы Угнетения.

В Америке главным фактором, определяющим угнетенного, выступил цвет кожи. Объектами эксплуатации и произвола здесь прежде всего выступали негры и индейцы, причем главным объектом были именно негры. Все-таки у индейцев были своя земля, свои корни, традиции, культура, языки, верования, своя социальная племенная организация. У негров не было ничего. Их привезли в Америку изначально только в качестве рабов. В ходе 400-летнего периода рабства африканцы, ставшие рабами и, как следствие, вместо африканцев ставшие неграми – людьми уже совершенно иного социально-психологического статуса – утратили практически все, что делало их прежде африканцами. У них не было ни родины, ни собственной культуры, ни собственного языка, ни собственной религии – не было даже собственных имен. Имена им давал рабовладелец, зачастую это были клички, в иных случаях они носили фамилию своего рабовладельца¹. Итак, американские негры в ходе 400-летнего периода раб-

¹ Поразительно, но так же обстояли дела и у нас в России, где фамилии бывших крепостных происходят либо от прозвищ, либо являются фамилиями их хозяев.

ства утратили практически все, может быть, за исключением цвета своей кожи. Но и здесь итогом многочисленных случаев насилия хозяев в отношении рабынь стало преобладание среди негров к началу XX столетия людей мулатской расовой внешности.

Началом истории афроамериканского народа (вплоть до середины 60-х годов народа негритянского, ибо сам термин «афроамериканцы» и, главное, его психо-ментальная составляющая утвердился именно с легкой руки Малкольма Икса) был 400-летний ужас рабства. Само по себе рабовладение никогда не бывает благом. Рабство может быть мягким, патриархальным, как, например, в Мавритании, или приобретать самые отвратительные формы, как в греко-римской античной цивилизации. Западная модель рабовладения изначально была ориентирована на самые худшие формы этого исторического явления. В некоторых аспектах европейское и в частности североамериканское рабовладение было даже хуже античного. С самого начала европейское рабовладение основывалось на расизме – в отличие от римского, имевшего социальную, а не цивилизационно-физиологическую основу, где даже сын раба Диокл смог стать императором Диоклетианом. Первыми рабами постантичной Европы были славяне. В X–XII веках огромное множество полабских славян было обращено в рабство западными крестоносцами. Само слово «раб» в западных языках происходит от слова «славянин»: slave, esclavo, esclave, sclave – соответственно по-

английски, по-испански, по-французски и по-немецки. Славяне и тогда и фактически сейчас считались расово чуждыми Европе варварами и потому их истребляли и обращали в рабство именно на расовой основе. Здесь не имело большого значения физическое расовое сходство славян, особенно балтийских, и европейцев – главным было именно металлическое восприятие Западом славян как расово чуждых, других, не своих, низших по отношению к себе диких существ.

В XV–XVI веках новым массовым источником рабов для западной цивилизации стали африканцы. Миллионы черных жителей Африки были вывезены в Северную и Южную половины Американского континента. В обеих частях Нового Света, и в англосаксонской, и в испано-португальской, их положение было ужасным. И англосаксы и иберийцы подвергали негров-рабов жесточайшей эксплуатации, насиловали рабынь, относились к рабам хуже, чем к животным. Разница была лишь в том, что в Латинской Америке образовалось несколько переходных этно-расовых групп, не считая сохранившееся индейское население. Социальные низы всех этих считавшихся небелыми расовых групп активно взаимодействовали. Кроме того, зачастую и беднейшее белое население не имело расовых предрассудков в отношении «цветного» населения колоний.

В Северной Америке все было по-другому. Здесь была жесткая кастовость в отношении рабов и их потомков. Бедняки европейского происхождения смотрели на негров, му-

латов и даже квартиронов с таким же презрением, как и их богатые соплеменники. Здесь социально-кастовый барьер был непреодолим. Даже люди с абсолютно светлой кожей, обладающие вполне так называемой европейской внешностью, но происходившие от негров-рабов, в США причислялись к негритянскому населению и социально были столь же притесняемы, как и их темнокожие собратья. В Америке Пушкин если бы и стал поэтом, то исключительно негритянским, ибо вход в «белое» общество для него был бы наглухо закрыт.

В ходе Гражданской войны 1861–1865 годов рабство в Соединенных Штатах было отменено. При этом следует сразу же отбросить бытующий у нас миф о том, что эта война имела целью освобождение негров. На самом деле и Линкольн, и Грант, и многие другие политические вожди Севера были такими же расистами по своим убеждениям, как и жители Юга.

Освобождение миллионов американских негров от рабства, хотя, безусловно, явилось важным шагом в их истории, тем не менее, не принесло им ни равноправия, ни уважения в американском обществе. Фактически вместо прежней, грубой и откровенной формы рабства появилась другая, менее откровенная, но от этого не менее бесчеловечная. Расизм не только не исчез, но, более того, распространился из южных штатов на всю территорию страны. Положение негров на Севере и Юге различалось, но в обоих случаях это было лишь

отличием северного расизма от южного.

Южный расизм был предельно откровенен. Неграм практически официально объявлялось о том, что они являются существами низшего сорта. Им строжайше запрещалось находиться в одних и тех же местах с белыми. Все было предельно сегрегированно – школы, больницы, транспорт, кафе, рестораны, туалет. Обыденным делом на Юге были суды Линча, когда толпа расистов жесточайшим образом расправлялась с любым негром, заподозренным в неуважении южных расовых законов. Многих прилюдно кастрировали, бросая органы в Миссисипи. Особым шиком было праздничное сожжение негров живьем, желательно на природе, во время пикника. Под смех и веселье взрослых белых мистеров и их леди, а также их милых детишек живьем горели человеческие существа, которым не посчастливилось родиться достойными принятого в этом обществе статуса.

Все это фотографировалось самими участниками действия, так что и теперь можно без труда найти эти красноречивые свидетельства культурной жизни американского общества первой половины XX столетия². Разумеется, все это делалось вполне безнаказанно, никто даже не возбуждал уголовные дела по данному поводу. Именно безнаказанность и делала возможным подобный сатанинский беспредел, имен-

² Так что не стоит удивляться, что позднее, когда Илия Мухаммед станет учить негров тому, что их белые соотечественники – дьяволы, очень многие его соплеменники, не принимая его учение в целом, безоговорочно согласятся именно с этим пунктом.

но безнаказанность и питала извращенную фантазию этих джентльменов и леди. Впрочем, наше сегодняшнее российское общество не так уж далеко от тогдашнего североамериканского. Пьяные владельцы дорогих автомобилей, зачастую дети высокопоставленных родителей, насмерть сшибающие по несколько человек (среди них непременно детей), затем убегающие с места преступления, зачастую фактически избегают уголовной ответственности. Наша российская действительность изобилует и многими другими печальными примерами подобного рода.

Северный расизм был более лицемерен. В том числе и тем, что к неграм-иностранцам он относился совсем по-другому, нежели к неграм-согражданам, – с уважением. Стоило юному Кассиусу Клею обмотать голову тюрбаном, как он мог зайти в любой ресторан.

Расизм загонял все возрастающее черное население, прибывающее с аграрного Юга, в гетто, вырваться откуда у негров – даже наиболее успешных – не было возможности. Впрочем, в начале XX столетия даже многие группы иммигрантов из Европы не причислялись к разряду «белых», что говорит о социально-психологической, а не о физической природе западного расизма. Условия жизни в гетто нельзя назвать иначе, чем отвратительными. Дома, годами не знающие капитального ремонта, с потрескавшимися стенами, грозящими в любой момент обвалиться. Подлинным бедствием гетто была перенаселенность. Жилья катастрофиче-

ски не хватало для прибывающих с Юга в поисках работы людей. Не было жилья для молодых семей. Работу старались дать неграм – самую неквалифицированную и «грязную». Если же на одном и том же предприятии одну и ту же работу выполняли черные и белые, то первые получали за свою работу гораздо меньше. Профсоюзы строились на расовой почве. Белые профсоюзы защищали интересы только белых рабочих, причем защищали эффективно. Черных не защищал никто. Не было у них никакой защиты и от произвола полиции. По малейшему подозрению черный человек мог быть безнаказанно застрелен полицейским. Собственно, данная практика существует до сих пор. В то же время полиция не обеспечивала защитой жителей гетто от преступников. Более того, все прибыльные злачные места платили дань полиции и благополучно существовали под ее покровительством. Постоянным было избивение полицейскими черных граждан по любому поводу. Многим довелось испытать на себе неумолимую ярость полицейских дубинок. Полиция вела себя в гетто как в оккупированной стране, относилась к его жителям как к скоту, если не хуже. Это были кварталы обреченных, не вписавшихся в американскую модель успеха. Они заведомо проиграли в битве за место под солнцем и потому – горе побежденным!

Сегодня в капиталистической «молодой России» мы сами можем наконец-то почувствовать все прелести такой жизни. Мы так же загнаны в гетто, где правят бал ЖКХ с их неиз-

менно неумемными аппетитами, где полиция – ведь и у нас теперь появились полицейские, прямо как в Америке! – зачастую способна творить беззаконие и произвол в отношении простых жителей. Мы так же брошены государством на произвол судьбы – в лице чиновников и криминала, что в сегодняшней России в ряде случаев есть одно и то же. Мы уже привыкли к полному безразличию государства, равнодушного ко всему, что касается нас, кроме неумолимого взимания растущих как на дрожжах безмерного буржуйского аппетита, налогов и поборов. В одной и той же Москве работники, имеющие московскую прописку, получают в разы большую зарплату, чем «иногородние», а относительно остальной «провинциальной» и региональной России зарплата в метрополии в разы превосходит оплату труда туземцев колоний – российских регионов. Сходство есть даже в том, что в ряде случаев нас, обычных граждан РФ, не пустят туда, где вход только для «белых». Законы нашей страны неизменно снисходительны к «белому» меньшинству (богатым и «элитным»), для которых они необязательны, и педантично суровы в отношении «черного» большинства (бедняки, быдляки, – то есть трудящиеся, «простой народ»). И в обоих случаях – что в США первой половины XX столетия, что в молодой неокapиталистической России – откровенный расистский (а расизм социален и не всегда имеет отношение к цвету кожи, на что, кстати, впоследствии укажет Малкольм Икс) произвол совмещался и совмещается с пропагандой офици-

оза о «свободной стране» и демократических ценностях. Основная разница лишь в том, что американские негры составляли и составляют меньшинство в своей стране, а «негры» российские – подавляющее (численно) большинство.

Итак, в начале XX столетия американский негр был презираемым существом в американском обществе, и, главное, презирал самого себя. Он находился на самом низу социальной пирамиды.

Будущий харизматический лидер афроамериканцев, революционный кумир молодежи в гетто Малкольм Икс родился 19 мая 1925 года в Омахе, штат Небраска. Его родителями были странствующий баптистский проповедник Эрл Литтл и Луиза Литтл, домохозяйка. Малкольм был седьмым из девяти детей – трое были детьми Эрла от предыдущего брака, а Малкольм стал четвертым ребенком Луизы.

Своего отца Малкольм позже описывал в «Автобиографии» как уверенного в себе, самодостаточного человека, готового противостоять произволу расистов. В то же время у него был довольно суровый, деспотический нрав, что выливалось в постоянные ссоры с женой, доходившие иногда до побоев, и в частые телесные наказания детей. Малкольма он выделял среди прочих своих детей и единственного не подвергал побоям, что, по мнению самого афроамериканского лидера, объяснялось его более светлой кожей и, таким образом, было следствием того, что негритянский националист Эрл Литтл сам был не до конца свободен от влияния пропа-

ганды «белого превосходства».

Преподобный Эрл был очень деятельным человеком. Хотя по роду занятий он был баптистским священнослужителем, Литтл также работал и плотником. Но подлинной страстью Эрла было участие в гарвейтском движении. Основателем этого мощного движения, которое официально называлось «Всемирная ассоциация негритянского самосовершенствования», был знаменитый Маркус Мозайя Гарви (1887–1940 гг.), отец африканского национализма и панафриканизма. Собственно говоря, все последующие афроамериканские национально-освободительные движения, включая и «Нацию ислама», были рождены в купели гарвейзма. Гарви, уроженец Ямайки, прибывший в 1916 году в США, проповедовал расовую гордость африканцев, называл Африку колыбелью цивилизации, учил, что Христос, Дева Мария и апостолы были темнокожими. Он призывал негров к самоорганизации, к созданию собственной экономики. Главной целью своей деятельности он объявил лозунг «назад в Африку», то есть Гарви призывал всех негров Западного полушария переселиться на африканский континент, родину их предков. В начале 20-х годов прошлого века движение гарвейтов было исключительно мощным. По некоторым оценкам оно охватывало несколько миллионов американских негров. Гарвейты устраивали красочные военизированные шествия в Гарлеме, привлекавшие внимание обитателей этого гетто, этой столицы Черной Америки.

В своей «Автобиографии» Малкольм охарактеризовал первые 12 лет своей жизни словом «кошмар». Действительно, жизнь активного гарвеиста-проповедника Эрла Литтла не могла быть спокойной – даже в условиях исконного американского Севера, не имевшего традиций рабовладения. Основные вехи этого кошмара таковы: нападение членов Ку-клукс-клана на дом Эрла Литтла в Омахе, постоянные драки самой семейной четы Литтлов и их жестокое обращение со своими детьми, сожжение расистами их нового дома в Лансинге, насильственная смерть отца, помещение матери в психиатрическую больницу, жизнь самого Малкольма в детском приюте.

Итак, коснемся этих основных событий детства Малкольма Икса. Когда его мать была беременна им, их маленький дом в Омахе (штат Небраска) был атакован кукуклуксклановцами ночью в начале 1925 года. Расисты ненавидели Эрла Литтла и подобных ему гарвеистов за то что он, не являясь «добропорядочным», покорным негром, вносил «смуту» в умы своих соплеменников. С такими не церемонились и на «свободном» Севере, как не церемонятся с ними в любом несправедливом эксплуататорском обществе.

Вскоре после этого инцидента семья переезжает в город Лансинг, штат Мичиган – самый что ни на есть Север, где до Канады рукой подать. Но и здесь не суждено было зажить спокойной жизнью мятежному священнику и его многочисленному семейству. Так, когда Малкольму было 4 го-

да, их дом в Лансинге был сожжен дотла расистами из общества «Черного легиона», после неоднократных письменных угроз, в которых «легионеры» требовали от преподобного Литтла прекратить «мутить добропорядочных негров» и убраться из «белого района».

После этого семейство Литтлов снова переезжает, на этот раз на ферму в двух милях от Лансинга. Сам переезд в сельскую местность благотворно сказался на материальном положении семьи – ее члены были обеспечены продуктами, которые сами же и выращивали.

В своих воспоминаниях о раннем детстве Малкольм часто говорит о постоянных трениях между родителями. Луиза Литтл, очень светлокожая (настолько, что могла сойти за белую) гордая женщина, была гораздо образованнее своего мужа и имела собственные суждения по многим вопросам, зачастую отличные от мнения преподобного Литтла. К примеру, она была сторонницей строгой «духовной диеты», которая исключала из рациона свинину и крольчатину – продукты, которые Эрл Литтл как раз очень любил. Впоследствии внушенные ею пищевые запреты также способствовали тому, что большинство ее детей, став мусульманами, с легкостью приняли подобные диетические ограничения. Сама Луиза происходила из Вест-Индии, с острова Гренады. По ее словам, ее мать была изнасилована своим рабовладельцем. Поэтому Луиза стыдилась своей светлой кожи и выбрала себе в мужа очень чернокожего мужчину.

Хотя отец Малкольма был христианским священником, христианство как таковое не играло большой роли в жизни его семьи. В своих проповедях Эрл истолковывал библейские образы в духе гарвеизма, к примеру, «сады Эдема» – как Африку, «встречу с Господом» – как обретение неграми силы и достоинства.

Когда Малкольму было 6 лет, поздней ночью Эрл Литтл был сбит трамваем. Луиза была убеждена, что это дело рук белых расистов из «Черного легиона». Позже мать рассказывала Малкольму, что у нее было видение относительно предстоящей трагедии. Впоследствии сам Малкольм испытал видение, когда, находясь в тюрьме, ему явился образ Уоллеса Фарда; Малкольм считал, что дар предвидения достался ему в наследство от матери.

После смерти отца семья еле сводила концы с концами. После долгих препирательств относительно выплат страхования, Луиза добилась лишь мизерной суммы, так как по официальной версии смерть Эрла Литтла была признана несчастным случаем, а некоторые кредиторы и вовсе выдвинули версию самоубийства.

Огромная семья лишилась кормильца, при этом большинство детей были далеки от совершеннолетия. Мать стала покупать вещи в кредит – вопреки мнению покойного мужа, который был категорическим противником кредитной системы и ничего не брал в долг (будущий духовный наставник Малкольма Илия Мухаммед возведет этот принцип в ранг

религиозной догмы).

Луиза пыталась найти работу по домашнему хозяйству или в качестве швеи, но белые жители Лансинга чаще всего отказывали ей в работе, так как не хотели видеть в своем доме «цветную» женщину. Часто она приходила домой в слезах.

Вдобавок ко всему в дом Литтлов стали наведываться социальные работники. Они не скрывали своего презрения к обитателям этого дома.

В конце концов Луизе стали выплачивать небольшую пенсию, которой не хватало на содержание семьи. Временами приходилось есть самый настоящий суп из одуванчиков. В это время юный Малкольм совершает свои первые кражи – ворует яблоки в магазине.

Визиты социальных работников не прекращались. Однажды один черный фермер, желая помочь бедствующему семейству Литтлов, зарезал свою свинью и предложил Луизе все мясо этого животного. Верная своим убеждениям, подкрепленным еще и тем, что после смерти мужа она присоединилась к движению «адвентистов седьмого дня», которые также строго соблюдали запрет на употребление свинины, Луиза отказалась. Слух об этом дошел до социальных работников и, явившись к ней в дом, они открыто, при детях называли ее сумасшедшей. Они бдительно следили за ней, ожидая предлога, чтобы отнять у нее ее несовершеннолетних детей и отдать их в приют. Содержать их в приюте было выгод-

нее для государства, чем обеспечивать социальную защиту одинокой вдове.

Луиза сделала попытку снова выйти замуж. Она встретила, как ей показалось, достойного человека, негра из Лансинга. После года встреч он бросил ее, видимо, понимая, что не сможет взять на себя столь тяжелую ношу – вдову с восемью детьми. Этот удар окончательно доконал Луизу. Красивая светлокожая тридцатилетняя женщина стала сходить с ума. Бдительно следившие за ней социальные работники сразу же воспользовались представившимся случаем. Луиза была признана сумасшедшей и отправлена в психиатрическую лечебницу. Малкольм по решению суда (причем судья был белым) был отдан в детский приют города Мейсон, расположенного в том же штате Мичиган, что и город Лансинг; его братьев и сестер приютили родственники и друзья семьи. Хотя Малкольм был разлучен с ними, все же тесная родственная связь никогда не прерывалась, при каждом удобном случае они встречались. Впоследствии это обстоятельство сыграет ключевую роль в жизни Малкольма.

В школе, которую стал посещать Малкольм, он оказался единственным небелым ребенком в классе. Учился он хорошо, особенно ему нравились предметы «английский язык» и «история». Но учитель истории не раз в его присутствии отпускал язвительные шутки про негров. Он не скрывал своего расизма и пренебрежения к ним.

Учась в седьмом классе, Малкольм был избран президен-

том (или, по нашему, старостой) класса.

Однажды учитель английского языка мистер Островский спросил его, задумывается ли он о своей будущей карьере. Малкольм ответил, что хотел бы стать юристом. Мистер Островский, обхватив голову руками, не смог сдержать улыбки. «Малкольм, мы должны быть реалистами, – сказал он, – юрист – это нереалистичная цель для ниггера. Ты должен подумать, кем ты на самом деле можешь стать. Ты делаешь хорошие вещи своими руками. Почему ты не хочешь стать плотником? Люди, подобные тебе, могут получить только работу такого рода». Эти слова потрясли юного Малкольма. Ведь он был лучшим по успеваемости учеником класса. Но теперь он заметно охладел к учебе.

В это же время он почти каждый день пишет в Бостон своей старшей сводной сестре Элле. Он писал ей, что хочет переехать к ней и жить у нее. Элла была единственной из всей семьи Литтлов, кто смог преуспеть в жизни. У нее была недвижимость, свой бизнес.

Вскоре Элла добилась перевода на себя опеки над младшим братом.

Глава 2

На дне

В возрасте 15 лет Малкольм переезжает к своей старшей сводной сестре Элле в Бостон. Элла Мэй Коллинз еще не раз сыграет важную роль в жизни Малкольма, причем на самых важных, переломных этапах. В определенной степени она была для него своего рода ангелом-хранителем. Малкольм описывает ее как большую, властную черную женщину, побывавшую три раза замужем. Мужья не могли выдержать ее властной натуры. «Это была первая гордая черная женщина, которую я встретил», – так описывал позже Малкольм впечатление от встречи с сестрой. Обладая неумолимо экспансивной натурой, Элла была неутомимой труженицей, постоянно оказывала помощь своим родственникам в Джорджии, многим из них в годы Великой депрессии она помогла обосноваться в Бостоне.

Малкольм считал свой переезд в Бостон важнейшим событием своей прошлой, «доисламской» жизни. Если бы он остался в Мейсоне, то, несомненно, стал бы частью мещанского черного сообщества маленького провинциального городка, черным христианином с «промытыми мозгами», плотником или официантом или, быть может, черным буржуа, адвокатом, довольным той жизнью, какой позволяет

ему жить белое общество, равнодушным к судьбам своих «неуспешных» соплеменников. Так впоследствии оценивал Малкольм Икс этот новый этап своей жизни.

Он очень легко – для паренька, только что приехавшего из провинциального города – освоился с жизнью бостонского гетто. Первое, что ему бросилось в глаза, – стремление негритянского среднего класса во всем подражать белому обществу, их презрение к своим менее удачливым соплеменникам.

Закадычным другом Малкольма стал Коротышка – невысокого роста парень, постарше Малкольма, работавший в здании плавательного бассейна и в бильярдном зале, прохода, мечтавший о карьере саксофониста, знаток самых темных закоулков гетто. Он быстро познакомил Малкольма с жизнью бостонского социального дна. Коротышка подыскал ему его первую работу – чистильщика обуви в бальном зале «Роузленд».

Коротышка ввел Малкольма в круг своих друзей, которые приобщили его к пьянству, курению, в том числе марихуаны, и к азартным играм. Малкольм покупает в кредит стильный костюм «zoot suit». Коротышка научил Малкольма выпрямлять волосы, чтобы «выглядеть как белые» – в те времена крайне болезненная процедура. С юмором описывая этот процесс, Малкольм замечает, что это был его первый значительный шаг к самостоятельной деградации: он перенес настоящие физические муки только для того, чтобы походить

на белого человека.

Страстью юного Малкольма были танцы. В танцевальном зале «Роузленд» он был одним из лучших танцоров. Высокий (один метр девяносто один сантиметр), широкоплечий, стройный светлокожий парень привлекал внимание женщин, причем не только из числа его соплеменниц. Однажды к нему подошла молодая белая женщина, блондинка, которую Малкольм в своей «Автобиографии» назвал Софией.

Вскоре у них завязался роман.

Малкольм быстро понял, что здесь не было каких-либо высоких чувств со стороны Софии. Просто она была одной из тех порочных белых женщин, которые жаждали запретных отношений для придания особой остроты своим ощущениям. В свою очередь, обладание белой женщиной, да еще и блондинкой, чрезвычайно повышало самооценку «ниггера». Связь их продлится несколько лет (даже после того как София выйдет замуж за состоятельного белого человека), вплоть до того времени, как Малкольм будет приговорен к тюремному заключению.

В декабре 1941 года США вступили во Вторую мировую войну.

Чтобы избежать призыва в армию, Малкольм устраивается работать официантом на поезде дальнего следования. В это время он впервые попадает в Нью-Йорк, в Гарлем, который впоследствии станет для него родным домом, местом,

где его имя обретет бессмертную славу.

Пока же до славы было безумно далеко. Напротив, его жизнь той поры была периодом бесславия. Очень быстро Малкольм стал склоняться к криминальной стезе. Он уволился с работы, в том числе и потому, что не в его характере было улыбаться и угождать перед белыми господами, играя роль раболепно любезного «ниггера». Малкольм Литтл, с первого взгляда влюбившийся в Гарлем, решил осесть в нем и с головой окунулся в криминальный мир порока – азартных игр, наркотиков, проституток. Он был торговцем наркотиками. Он был сутенером и воочию видел, как расизм унижал его народ в лице его женщин. Он видел всю порочность разврата, приправленного расизмом. Но особенно преуспел Малкольм в азартных играх, где он сдружился с одним из виднейших заправил этого бизнеса – Вест-индцем Арчи. Однако дружба эта вскоре чуть не закончилась для Малкольма самым фатальным образом. Посчитав, что Малкольм сжульничал и тем самым нанес ущерб его репутации, Арчи попытался застрелить его, и только чудом Малкольму удалось спастись. Пришлось переехать в Бостон, где Малкольм сколотил целую шайку, состоявшую из закадычного верного друга Коротышки, Софии, еще одной белой женщины, сестры Софии, которая была любовницей Коротышки и мулата итало-негритянского происхождения. Банда занималась кражами у состоятельных белых людей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.